

Обращение к Живому Духу

(Отредактированный и расширенный перевод на английский интервью на немецком языке с д-ром Исайей (Йешайагу) Бен-Ароном (Jesaiiah Ben-Aharon) Томаса Стокли (Thomas Stöckli) на Рождество-2000, опубликован в журнале «Гетеанум» (“Das Goetheanum”) 7/2001, Дорнах, Швейцария.)*

Опыт Совместной Жизни с Другим

Д-р Йешайагу Бен-Арон, в 1993 и 1995 гг. вы опубликовали две уникальные книги об исследовании сверхчувственного. Как основатель антропософской общины в кибуце Ардуф с 1980 г., вы глубоко занимаетесь социальными вопросами. Что движет вами в настоящее время?

Летом 2000-го года я вернулся из двухлетнего творческого отпуска (шаббатона), проведенного мною в США. Вернувшись в Израиль, я продолжил действовать в тех же основных областях, с которыми моя деятельность связана уже около 30 лет. С одной стороны, я работаю над постоянным преобразованием и обновлением антропософской работы; с другой – все снова и снова пытаюсь углубить и расширить область своей моральной ответственности перед израильской и глобальной социальной реальностью. Как всегда, я постоянно в движении туда-сюда между тем и другим.

В антропософской работе я формирую свой способ работы так, что он позволяет мне практиковать и переживать то, что мыслится, говорится и делается, живым образом. Иначе говоря, я не хочу вносить свой вклад в широко распространенный интеллектуализм или приверженность к традициям, скорее, я хочу воодушевлять других людей и себя самого находить и реализовывать нашу духовную и человеческую свободу и независимость. Это означает, что во встрече друг с другом мы стремимся брать ответственность за то, чтобы между нами все происходило бы воистину по-человечески, будь то в духовной учебе или практике, в искусствах, эзотерической работе, вообще в любом социальном контексте. Я серьезно отношусь к тому факту, что антропософии уже 100 лет, и она быстро стареет. Проблема, как сделать ее снова молодой, без компрометации ее серьезности и глубины, – это очень серьезный вызов. Люди, присоединившиеся к нашей работе на протяжении этих лет, являются, по большей части, пионерами, ищущими свежих путей обновления, воскрешения и преобразования старого в новое и реализации совершенно новых импульсов.

Этот процесс омоложения основан на развитии опыта, знания и практик, обеспечивающих становление как индивидуальности, так и институции. Имеется в виду осознание и введение в практику элементов инициации в повседневной, культурной, социальной, и исторической жизни настоящего времени. Наша задача сегодня заключается в том, чтобы углубить, расширить и преобразовать антропософию посредством этой инициации человеческого становления, становления, которое находится в полном разгаре в современной повседневной человеческой жизни. События и процессы повседневной жизни уже являются бессознательной инициацией, и антропософия может стать достойной частью этого потока становления. Конечно, вы можете предлагать лишь свой опыт переживания этой инициации, если вы отваживаетесь сознательно предпринимать ее в вашей собственной повседневной жизни.

* Перевод на русский с английского перевода – Р. Идлис (декабрь-2007)

Я действительно полон энтузиазма в отношении формирования каждой встречи как некоего эксперимента и опыта, встречи, в которой становится возможным в полной мере вступить в то, что я называю “событием”. Любая застывшая и мертвая ситуация может быть раскрыта и может стать местом воскресения и преобразования индивидуума, группы, учреждения. В другой личности я желаю переживать эту подлинную “другую”, – на самом деле неизвестную, – и наслаждаться тем, что является свежим и нераспознанным в ней, нетрадиционной и неинтеллектуализированной встрече с реальным миром, его существами и событиями.

– *Как вы переживаете текущую ситуацию в Израиле?*

Текущая ситуация здесь – та же самая, что и общечеловеческая, она лишь более отчетливо проявлена, чем в Европе. В то время как Средняя Европа лишь медленно начинает пробуждаться от посттравматической комы второй мировой войны, здесь все очень пробужденное и живое. Также и здесь, если мы хотим жить истинной, человеческой, социальной и духовной жизнью, мы должны постоянно практиковать пробуждающее переживание другого в себе и открытие себя через другого человека. Конфронтация с этим другим побуждает нас к более глубокому и более истинному самопознанию, высвечивая в нас, таким образом, как высшее, так и низшее. Это может творить чудеса. Все снова и снова отображать лишь себя самого и то, что вам уже известно – не только самое скучное и нетворческое занятие в мире, но оно также блокирует возможность встречи живого настоящего как некоего события, признание будущего потенциала этого события и его актуализацию. Будущее течет из еще неизвестного мира. Лишь в моем «совершенно другом», которое *становится* через меня, могу я обновиться, воскреснуть и быть искупленным от моего сна, забывчивости и – в социальном смысле – безответственности.

То, чего я еще *не знаю*, – не говоря о любви, – это и есть мое единственное спасение! Здесь тоже это необходимо, как минимум, в качестве первого шага, – смело ворваться в реальную жизнь. До тех пор, пока израильтяне избегают реальной встречи с палестинцами, как с своими реальными Другими, до тех пор, пока они желают продолжать играть современный вестерн, чрезвычайно антисоциальную и трагическую игру, они уничтожают и будут продолжать уничтожать и Израиль, и Палестину. Они будут встречать лишь своих двойников в нескончаемом конфликте, потому что это именно то, что происходит, если вы избегаете встречи с вашим истинным «я» через истину другого: вы видите лишь своего двойника и боретесь с ним, веря, что боретесь со своим “врагом”. На самом деле вы воюете лишь со своей низшей, нераспознанной самостью. Это называется самоубийством, и это то, чему Европа предавалась в 20-м веке. Может ли Израиль избежать этой судьбы? Могут ли палестинцы избежать этого? Обеим сторонам, конечно, этого не избежать, если они будут продолжать встречаться таким же образом, как они это делали до сих пор, через взаимное разрушение и страдание. В конечном итоге, после всех кровопролитий, Другой все еще будет там, ожидая принятия, интеграции, и оценки по достоинству.

Третий Духовно-Культурный Сектор: Духовное и Социальное Соглашение в Повседневной Жизни

Можете вы рассказать что-нибудь о себе и вашей деятельности в Израиле?

В 1980 я основал антропософское сообщество кибуце Ардуф как неотъемлемую часть кибуцного движения. Это было сделано, потому что я хотел, чтобы антропософия стала живым течением внутри израильского общества, а не экспортированным чужеродным элементом. Кибуцное движение было тогда наилучшим порталом для входа, ибо оно было – и все еще является, хотя и в иной форме – важным социальным и духовным движением в Израиле, начиная с начала 20-го столетия. В Ардуфе мы подготовили плодородную человеческую и духовную почву, которая дает приют всем антропософским инициативам и учреждениям. Это стало истинным микрокосмом всех различных достижений антропософских движений, развивавшихся на протяжении 20-го века.

Мне было, однако, также ясно в 1980-х и в 1990-х, что оба движения состарились и утомились: кибуцное движение – *социально*, а антропософия – *духовно*. Оба в известной мере потеряли, как минимум, большую часть своей исходной значимости как для Израиля, так и для мира, потому что пренебрегли тем, чтобы сделать социальный и духовный апдейт (обновление), и не достаточно преобразовали себя в ходе последних ста лет. Я достаточно рано понял, что для 21-го века нам недостает обновленного социального, так же как и духовного, предвидения и стратегии.

Для меня сегодня самая важная социальная задача – вовлечь антропософию, не как отдельную фракцию или сектор, но скорее как часть нашего общества в целом, в живой диалог со всем остальным, имеющим реальную значимость. Поэтому сегодня я стараюсь развивать то, что мы называем «трисекторальными» взаимоотношениями и кооперацией, в качестве новой социальной стратегии. Это означает, например, попытаться вовлечь так называемый третий социальный сектор в такие «трисекторальные» процессы. Этот третий сектор – культурно-духовный сектор, тот, в котором коренятся антропософия и ее разнообразные учреждения. Я верю, что таким образом новое антропософское движение оживет, обновляясь в ходе этого процесса, обновляя, в то же время, и общество в целом. Антропософия может стать социально релевантной только в том случае, если она будет участвовать в таких трехчленных социальных процессах как участник нового глобального и местного «триалога» между экономическим, политическим, и культурно-духовным секторами. Я убежден, что это единственный путь, посредством которого новые Михаэлические импульсы могут втекать в общество в 21-м веке.

Наряду с другими своими обязанностями, я постоянно работаю над тем, чтобы поддерживать эти инициативы, помогая создавать эффективную сеть, как глобально, так и в самом Израиле..*

Это представляется мне crucialным для будущего Государства Израиль, – не менее, чем для антропософского движения. Государство Израиль “выдохлось” морально и идеологически, и люди в Израиле все более и более пробуждаются и ищут нового духовного и социального вдохновения. Однако породить эту мощь вдохновения гораздо труднее, чем организовывать конференции, обсуждения и писать книги о социальных проблемах. Для того, чтобы положить даже самое скромное начало в

* В этом контексте в 2000-м году была создана глобальная социальная сеть для осуществления социальной трехчленности совместно с Никанором Перласом и многими друзьями в различных странах. Этот импульс обрел свое выражение на судьбоносной конференции в Гетенбурге (Швеция) на переходе к новому тысячелетию 1999/2000. “Глобальная Сеть для Социальной трехчленности”, о которой было заявлено на Саммите Тысячелетия ООН в Нью-Йорке в сентябре 2000, с того времени разрослась и имеет группы и членов во многих странах. (См. www.globenet3.org).

области социального, антропософия должна стать активной, мощной силой для гуманистически-социальных преобразований.

Можете ли Вы рассказать что-нибудь о своей семье?

Мои родители иммигрировали в Палестину в 1920-х годах. Мой отец Ицхак родился в Черновицком районе, Буковина (между мировыми войнами входила в состав Румынии, а сейчас относится к Украине), а моя мать Мирьям прибыла из России. Оба были пионерами израильского кибуцного, рабочего и трудового движений. Они вместе основали Кибуц Гив'ат Хаим (что означает "Холм Жизни") в 1933-м г. Там я и родился в 1955 г. Таким образом, я вырос в этой идеалистически мотивированной социалистически-гуманистически-сионистской общине иммигрантов и беженцев из почти всех стран мира, истинном микрокосме израильского общества тогда и по сей день. Его социальная, культурная и жизнь и система образования были основаны на атеистической и социалистической идеологии. Моя мать была преподавателем искусства и литературы, работая все свою жизнь в сфере обучения юношества и взрослых. Мои родители оба прожили свою жизнь в преданности выживанию еврейского народа и Государства Израиль. Биография моего отца – образец индивидуализированного представления о еврейской и человеческой истории Европы и Израйля в ходе 20-го столетия в целом. (Он жил с 1906 по 2006 гг.). Он был лидером "Гистадрута", главной израильской профсоюзной организации рабочего движения и рабочих союзов, министром транспорта в последнем правительстве Бен-Гуриона, и многократно избирался членом Кнессета, израильского парламента. Он был хорошо известен и ценим в Израиле, в том числе и людьми совсем иных политических и идеологических взглядов. Поэтому я, благодаря воспитанию, всегда был тесно связан с израильской общественно-политической жизнью, с судьбой и предназначением этой земли и этой страны. Хотя мой отец (в своем сознательном уме!) и был далек от приближения к антропософии, он всегда горел желанием послушать столько моих лекций, сколько только мог посетить, и поддерживал основание и развитие Ардуфа и мою социальную деятельность в Израиле всеми силами своего сердца и всей своей энергией!

Переживание Духовного Рождения

Как случилось, что вы поместили переживание Высшего «Я» человечества (называемого Христом в христианской традиции) в центр вашего духовного пути, представленном в вашей книге «Новое Переживание Сверхчувственного?» Можете ли вы описать, как вы переживали этот духовный опыт?

В начале двадцать первого года моей жизни я имел сверхчувственный опыт, который полностью преобразовал мою жизнь. В предыдущие годы, особенно между семнадцатью и двадцатью, я боролся за то, чтобы найти смысл в жизни. С одной стороны, я был наполовину сознательно уверен, что должно существовать некое иное измерение жизни, но, с другой стороны, ничего в моем окружении, казалось бы, не предлагало такой возможности. Хотя в детстве я учился быстро и с увлечением, я оставил школу в десятом классе, поскольку потерял всякий интерес к обучению в конвенциональной средней школе. В ходе этих лет, скорее, богатых приключениями, я испытывал нарастающий экзистенциальный кризис юности. В определенный момент я, помню, сказал самому себе: если в жизни нет никакого другого смысла, чем эта общепринятая и бессмысленная рутина, я предпочитаю умереть, чем вырасти чем-то подобным!

Можете ли описать это переживание более детально?

После некоторых примечательных, но бессознательных, подготовительных душевно-духовных переживаний и процессов, однажды ранним вечером весной 1975 г. я почувствовал, что внутренние и внешние стены, окружающие и блокирующие мою душу, начали обрушиваться. Я почувствовал, что вся моя душа открывается, и что поток неизвестной жизни невероятной красоты и интенсивности переливается *в* и *через* меня. Это было истинное откровение, которое продолжало возникать время от времени в течение целой недели. Если бы я даже и написал десятки книг, то не смог бы описать, что вошло *в* меня и прошло далее *через* меня в это время. Так что я решил написать всего лишь одну книгу... Но само это центральное и непрерывное событие может быть описано достаточно абстрактно следующим образом: я обнаружил себя в компании духовного существа, через присутствие которого я действительно становился истинным Собой. Я был в одно и то же время становящимся собой, свидетельствующим о своем становлении, и участвующим сознательно – хотя и в совершенно ином состоянии сознания – в моем собственном сверхчувственном процессе духовного становления. Я все более и более осознавал, что это существо, на само деле, “учило” меня чему-то, своеобразному пути самопреобразования и становления. Это становление было в то же время космическим, человеческим, историческим, и частью бесконечного потока жизни. Он/Она показывал/а мне, чем является, в этом смысле, жизнь. Это было процессом рождения личности, как Духовной Самости.

Чтобы понять эту мистерию, мне потребовалось много лет учебы и исследований. Он/Она демонстрировал/а это, беря мое обычное «я» (my normal Self) в живой поток своего бесконечного становления. Я переживал, как мое «я» (my Self) рождается из сверхчувственной, духовного реальности, как оно постоянно преобразует себя в этой реальности, и как оно растет и изменяется в этом потоке становления.

Это был мой самый настоящий “день рождения” (на самом деле “неделя рождения”), потому что мое настоящее Я родилось там. В ходе этого процесса рождения и становления я понял, что «Я» есть сущность становления, преобразования, мистерии “умри и будь”. В этом отношении я чувствую себя сегодня, как и тогда, новорожденным, начинающим, всегда готовым начать заново переживать и исследовать эту мистирию. И я знаю, что это всегда будет так, пока я не забываю «самого себя».

И как бы Вы охарактеризовали это существо Высшей Самости?

Это – существо становления и преобразования. Оно может преобразовать, воскресить, искупить все и “сделать все новым”: смерть в жизнь, зло в добро. Это духовное переживание служит прямым доказательством и основой убеждения, что за пределами этого потока становления, исцеления, преобразования нет абсолютно ничего, и что если человеческая жизнь действительно является частью этого потока, – а это фактически так и есть, – оно способно преобразовать человеческую, социальную и даже политическую реальность. Необходимо, однако, понимать, что этот процесс преобразования должен действовать во времени и в человеческой истории, созревая в нас лишь постепенно и через множество трудностей, поскольку это такой новый и неизвестный процесс.

А почему Вы позднее назвали этот сверхчувственный опыт «драма познания второго пришествия»?

Я прошу вас благосклонно принять во внимание тот факт, что я испытал то, что я только описал, без каких-либо предваряющих понятий. У меня не было никаких предпосылочных мыслеобразов, чтобы придумать обычным порядком то, через что я прошел. Единственные тексты, которые поддерживали меня в течение этой недели, было чтение – впервые – из Пророков и Нового Завета, в особенности некоторых определенных пассажей из Книги Пророков и Глав с 13 по 17 из Евангелия от Иоанна. Я был приведен к тому, чтобы читать эти пассажи, этим Существом, направлявшим меня к ним. Читая их, я мог распознавать то же Присутствие, которое явилось на встречу со мной, как и То, встречу с Которым я пережил. Только это одно и дало мне мыслительную опору и мыслительное основание, чтобы охватить эти исключительно сверхчувственные переживания. Библейские пассажи и чисто духовные переживания поддерживали и дополняли друг друга. Благосклонно примите во внимание также и тот факт, что до этого события мне никогда не доводилось узнать вообще что-либо об этих пассажах, поскольку, как я говорил вам, я вырос в светском израильском кибуце, в котором пренебрегали всеми еврейскими религиозными традициями (равно как и христианскими).

После вышеописанного духовного Я-рождения я жил в двух отдельных реальностях: в физической и духовной. Это было подобно проживанию в двухэтажном доме одновременно на обоих его этажах, между которыми еще не были построены мосты самосознания. Когда я пребывал на одном из этажей, память о моей идентичности на другом была неясной. Мне пришлось построить “ступеньки” или “мост” осознанности и познания для того, чтобы связать обе моих самости «воедино».

Этот процесс построения моста процесс был и есть для меня драма познания, как таковая, антропософии, как таковой. И антропософия жива сегодня постольку, поскольку она также становится путем познания, создающим реальную духовно-научную основу для понимания процесса становления человечества и углубления его отождествления со своим Высшим Я. Это и есть истинная реальность, стоящая за часто неправильно понимаемым и злоупотребляемым понятием “Второго Пришествия” у христиан, “Мессии” у евреев, и “Имама Махди” у мусульман.

Действительный процесс драмы познания в моей жизни начался годом позже, когда в ходе моих антропософских штудий я впервые прочел книгу Рудольфа Штейнера «Философия Свободы». Это стало для меня вторым решающим жизнепреобразующим событием. Поразительным был тот факт, что я впервые смог снова пережить тот же духовный свет, до того известный мне лишь как духовный свет, освещавший мое духовное переживание, как неотъемлемая часть моей мыследеятельности. Затем я узнал, чем, с этой точки зрения, могла бы быть моя духовная задача: создать мост от этой мыслительной духовной деятельности к сверхчувственному переживанию Высшего Я. Конечно, я в то время еще не знал, что это потребует более чем пятнадцати лет ежедневного антропософского труда, исследования, препятствий, борьбы и тяжелых испытаний на столь многих уровнях моей жизни.

Через интуитивную деятельность моих мыслей, воссиявших в моей душе, я смог впервые в нормальном повседневном сознании развить с помощью моей собственной духовной деятельности такой же духовный свет, какой вплоть до этого момента я знал лишь как сверхчувственный свет в ином, сверхчувственном, состоянии сознания. Отныне я мог зажигать его посредством своей самосознающей деятельности в физическом мире. Начиная с этого момента, я мог работать альтернативно от любого этажа к другому, от обеих сторон “туннеля” друг по направлению к другу, подводя их

друг к другу. И, наконец, когда мне исполнилось тридцать пять или тридцать шесть, этот сверхчувственный мост (или работа над строительством туннеля) “достиг середины” и рабочие партии от обеих сторон смогли встретиться и отпраздновать завершение моста. И лишь тогда смог я продумать это до конца и начать описывать это в физических словах на физической бумаге.

Эта “ работа по строительству моста ” и описывается в этой книге. Эта духовно-научная работа позволила мне войти в сферу сверхчувственного независимо и затем сознательно “резюмировать” то, что я испытал, будучи молодым человеком. Эта исследовательская работа привела меня также к исследованию нескольких центральных сверхчувственных проблем истории 20-го века, что дало мне возможность показать мощь преобразования истории человечества как целого. Это то, что поместил в мою первую малую опубликованную книгу *Духовное Событие Двадцатого Века* (Temple Lodge, Лондон, 1993, второе издание 1997).

От Сверхчувственного Опыта к Пути Познания

Можете ли Вы охарактеризовать метод своего духовного исследования?

В отношении духовного опыта и духовного исследования важно отметить позитивистские и материалистические понятия. Никто и никогда не может “обладать” ими. Истинный духовный опыт, если присутствует, то лишь в своей полной действительности – в живом процессе инкарнации, становящимся осознанным присутствием духа в живом настоящем, экскарнации и исчезновения. Иначе это – просто теневое и мертвое общее представление, пустая раковина, труп его истинного существа. Никто также не может преднамеренно “командовать” наступлением и прохождением таких переживаний. Это всегда милость и дар, предложенный сверхчувственным существом, которое некто встречает. Такое существо приходит к нему на встречу, если это существо этого пожелает, если это является частью воли духовных миров. Земно-человеческий участник может лишь постараться подготовить подходящее потенциальное место встречи, куда он или она может кротко и радостно пригласить другого, а затем ждать наступления реального духовного события.

В ходе своего исследования я разрабатывал для этого различные способы, дифференцированные согласно специфическим потребностям моего исследования или практической социальной работы. В данный момент достаточно будет отметить, что только в чистоте активно созданного «ничто» и в преднамеренно установленном состоянии “незнания” мог я ожидать возобновления и повторения истинного сверхчувственного опыта. Мне приходится быть очень активным и точным для того, чтобы создать “непорочную” девственность, которая является незапятнанной, не интеллектуальным местом, куда я могу смиренно пригласить сверхчувственного другого. Это является строго научным требованием, если мы желаем быть в состоянии подойти к духовному.

Сверхчувственные существа не могут быть восприняты нашим связанным с мозгом рассудком (интеллектом), поскольку он просто слишком грубый, слишком затвердевший, слишком гордый и безлюбивый. Разумеется, мы должны стремиться изучать, обдумывать и понимать мир так глубоко, как мы только можем. Однако, имея целью проведение духовного исследования, мы должны в свободе освободить себя от этого приобретенного знания. Что является существенным в изучении – это не вспоминаемая сумма понятий, сохраненных в памяти, но скорее творческие силы души и способности, развиваемые *посредством* познавательной деятельности. Творческие

способности, развиваемые благодаря познанию, не могут быть сохранены в памяти, но могут быть повторно активированы, если память намеренно подавлена. Никакое истинно сверхчувственное событие, процесс, или существо не придет на встречу со мной до тех пор, пока я блокирую его путь с помощью моих уже существующих представлений и мыслеобразов, привычек и шаблонов.

Если мы развиваем свое мышление живым, творческим образом, отбрасывая и забывая его результаты, то мышление вернется к нам от *нашего духа*, (находящегося) вовне. Поскольку мы освободили его, отказавшись от собственности на него, поскольку мы продемонстрировали свою лояльность и любовь к его истинному существу, бессамостно освободив его от зависимости – в нас – от Аримана, духовная сущность мышления примечательным образом высказывает свою благодарность. Когда мы намеренно теряем ее, она возвращается от мира и находит нас! То есть, если мы учимся сдерживать, отклонять законченные, оформленные результаты, содержащиеся в интеллекте, то обнаруживаем, что мы богато вознаграждены: сверхчувственное может появиться снова, живое, свежее и в то же время полностью освещенное и просветленное внутренним светом космического мышления. Это мышление, сияющее через наши имажинации, и есть “наше” космическое мышление – или лучше – откровение мышления Высшего Я. Другими словами, отказ от интеллектуализма позволяет воскреснуть истинному мышлению как сверхчувственному космически-человеческому, человечески-космическому процессу. Действительно современные и духовно-научные имажинативные восприятия и картины всегда “глубокомысленны”. Нет нужды дополнять их внешними интерпретациями для того, чтобы понять их как живые процессы. Они сами объясняют себя куда лучше, чем мы когда-либо могли бы это сделать, и все же этот свет освещающего их мышления есть наше собственное освобожденное и искупленное мышление. Мы чувствуем свое истинное Я активным здесь; это живая имманентность, свободная от любых трансцендентных остатков внешних духовных или метафизического элементов.

Для меня этот метод стал основанием для разворачивания исследований и творческого потенциала в духовной науке, искусстве и, как я подчеркивал выше, в социальной жизни. Антропософия может в этой форме стать путем и методом актуализации духа. Никакая актуализация реального события невозможна до тех пор, пока мы не научимся практиковать *воспоминание духа, преданность духу* (называемую размышлением *о духе* во втором стихе Медитации Камня Основы), и *узрение духа*, как этапов актуализации эфирной встречи с Высшим Я человечества.

Через Момент Смерти к Силам Воскресения в Мышлении

Можете вы пояснить этот процесс “умри и будь”, который вы детально описываете в вашей книге?

В ограниченном пространстве этого интервью едва ли возможно дать более чем пару характеризующих указаний. Вначале состояние своей души необходимо привести к своего рода «пороговым» условиям. Это происходит посредством вышеуказанной трансформации мышления. Я должен начать в той точке, где я интенсивно переживаю, как в моем повседневном познании мышление умирает. Я активно ищу и актуализую *это время и это место, где мышление умирает*. Эти искомые “крест” и “могила” мысли – образное выражение для этого процесса приведения к осознанию процесса жертвенной смерти, который живая сущность мышления претерпевает для того, чтобы стать доступной для нашего повседневного нормального современного познания. Любое так называемое “живое мышление”, которое не происходит от этой стадии, есть

ни что иное, как своего рода люциферичное самоудовлетворение. Для меня это – священное место драмы познания истинной духовной науки. Мне действительно приходится учиться тому, как “помещать себя в эту могилу” для того, чтобы внутренне идентифицироваться со «страстями» мышления. Выполняя это, я постепенно учусь любить смерть, как я любил бы хорошего учителя и друга-помощника в пути, – как бы парадоксально это ни звучало. Смерть – мой помощник и учитель, потому что она учит меня, как освободить себя от бессознательного – и поэтому предвзятого – мышления, чувствования и воления. Ибо только из смерти приходит это воскресение духовной души, познания, высшего сознания и новых социальных способностей. Поэтому я не только избегаю “преодоления” смерти любым своевольным действием со своей стороны, но и я фактически приглашаю ее присутствие и действие. Я переживаю смерть в этой области моей собственной души и жизненных сил и учусь осуществлять ее в себе и на себе. Я учусь быть активным там, в могиле познания, совершенно бодрствующим, бдительным и в равновесии; я с благодарностью признаю и принимаю процесс умирания моей души и этого усталого, старого, использованного, привычного себя, которого она в себе укрывает. Смерть тогда – мой помощник и главный учитель, и она показывает мне путь к порогу, известный лишь ей одной. Лишь там начинает появляться истинная, ясная, сверхчувственная жизнь.

И теперь необходимо представить, что некто постепенно пробуждается в сумраке, в сумерках между мирами, и все более и более тянется к своей “ночной-сущности”. Это сущность есть, на самом деле, существо, живущее в другом измерении реальности. Эта реальность, в сравнении с нашей, является “сверхреальной”, столь интенсивной и полной жизни и субстанции, что наше повседневное сознание немедленно угасает, впадая в глубокий бессознательный сон, когда мы с ней сталкиваемся. (Это и происходит, в конце концов, каждую ночь). Живая сущность смерти – единственная сила, которая может преобразовать силу познания, способна пробудить гораздо более глубокие силы осознания, чем те, которыми мы обладаем в обычном сознании. И теперь, поскольку некто отнесся к смерти дружелюбно, он может интенсифицировать силы своей пробужденности, в то же время несколько снижая интенсивность этой “сверхреальности” духовного, и таким образом сознательно пробуждаясь *внутри* бездонной глубины сверхчувственной реальности. Там он переживает рождение своей Духовной Самости (Spiritual Self), которая, как указывает на это Штейнер, “приходит познакомиться с вами из серой бездны духа”. Да, это место вначале действительно серо-черное, если оно ищется, обнаруживается, и исследуется сознательно. Позднее оно освещается, и может начаться великий праздник. Но путь туда трудный и несколько рискованный.

Само собой разумеется, что, как и в земном мире, новорожденный младенец-дух нуждается во взрослых, которые заботятся о нем, кормят его, и служат живыми примерами способностей, которые ему придется развить по ходу созревания. Это точно так же и в сверхчувственной сфере. Таким образом, в духовном мире мы находим это Высшее Я в его эфирной (жизненной, лучашейся) одежде, как мать-отца-акушерку и учителя. Как “первенец” всех людей, достигший конечной цели земной эволюции, эта сущность Высшего Я есть тот, кто может наилучшим образом научить нас тому, чем нам предстоит стать. Он/Она – великий учитель будущего становления и опытный мастер мистерий “умри и будь”-процессов. В Нем/Ней и через Него/Нее, наш новорожденный младенец Само-Дух может безопасно учиться вставать и ходить, говорить, мыслить и учиться переживать и постепенно начать относиться к себе как к независимому «Я» в среде сверхчувственной реальности.

Отныне это будет нашей не менее трудной задачей – учиться, как соединять вместе и связывать мостом обе стороны наших двух самостей – “дневной” и “ночной”, чтобы скоординировать и соединить их отношениями взаимного признания, помощи, и сотрудничества, потому что мы хотим реализовать новую культурную жизнь, новые сообщества, и три-секторальный социальный порядок на Земле, как люди эпохи души сознательной. Высшая Самость является моделью всего истинного будущего сообщества и центром, вокруг которого уже в течение этого века люди будут учиться объединяться вместе в духе истинного сотрудничества, любви и свободы.

В поисках Соответствующего Языка для Духовного

Каким образом могут быть адекватно сообщены духовные опыты и результаты духовного исследования?

Вы прикоснулись здесь к одной из самых болезненных ран духоиспытателя! Духовное исследование есть некий живой, очень динамичный процесс инициации. Однако затем оно должно быть сообщено... Если сообщение дается посредством живой беседы – диалога – в соответствующей душевной атмосфере истинной любви и доверия между людьми, тогда еще возможно передать что-то из истинного переживания и связанной с этим реальности. Однако когда это становится написанным текстом, тогда действительно возникает затруднение. Тексты, как говорили Павел и Штейнер, убивают дух. Это, конечно, необходимо, как я указал выше, потому что преобразование смерти в нашей эпохе является предпосылкой для полностью бодрственного духопознания. И, конечно, написание все еще необходимо как средство хранения записей в памяти. Однако, написанное, мертвое слово должно постоянно воскрешаться, а это может произойти только тогда, когда социальная жизнь станет актуализированной, как живое событие, в интимном, диалоговом обмене жизненными переживаниями. Важнейшее может быть сообщено только от одного человеческого сердца к другому, а написанное может использоваться лишь как напоминание: “Смотри, там есть новая возможность для переживания, диалога, события. А теперь забудем книгу и начнем воистину жить...”

Мы достаточно зрелы сегодня, чтобы быть в состоянии испытывать переживание, что межчеловеческий диалог сам по себе – уже есть духовная реальность. Но мы все еще боимся идти к месту раскрытия нашего истинного голоса, потому что знаем, что вслед за этим нам, быть может, придется вступить в истинные процессы и события инициации. Многие все еще боятся этого, несмотря на то, что они, возможно, много пишут или говорят об этом! Я активно занимаюсь этой проблемой: как диалог может стать существенным живительным элементом духовного исследования и различных приложений антропософии в социальной и культурной жизни. В частности, мои настоятельные попытки в сфере создания соответствующих форм для Школы Духовной Науки снова и снова показывают мне, насколько далеки мы от истинных практических методов построения сообщества близкого будущего.

С какими надеждами вы смотрите в будущее?

Мне стало ясно, что, начиная с начала 21-го столетия, новый импульс Михаэля полагается на нашу способность сознательно объединить земную форму антропософии, какой она была физически унаследована от прошлого века, со сверхчувственным потоком Михаэля, который прошел через большие преобразования в ходе истории со времени смерти Штейнера в начале 1925 г. Прежде всего, антропософия станет релевантной (уместной) для этого совершенно нового столетия тогда и только тогда,

когда мы научимся актуализировать живой человеческий и духовный опыт и исследовать поистине живое событие становления. Во-вторых, эта новая работа может войти в жизнь лишь через периферию. Централизованная организация сегодня – абсолютно ариманична. В меньших и более крупных объединениях обновленная, в настоящее время развивающаяся Михаэлическая спиритуальность духа времени Михаэля посеяла семена будущего на всей планете в ходе 20-го столетия. До тех пор, пока “центр” – все центры, начинаясь от моего малого диктаторского эго, – будут превалировать над социальной и духовной жизнью, Ариман будет доволен нами, как и в столь трагичном течении 20-го столетия. Силы воскресения, урожай 21-го, будут возрастать и созревать лишь через бессамостные, децентрализованные, глобальные, «периферические», космополитические и всеобъемлющие человеческие объединения и учреждения. Это было бы достойно второго столетия Михаэлической эры.

Таким образом, это означает, что много важных идей и много личностей из всех уголков земли и неожиданных культурных, социальных, национальных, и экономических периферий станут “центральными” носителями импульсов истинного будущего, и что нам, западным центристам, придется прислушаться к децентрализованным себе самим, если катастрофа Западной, Евро-Американской цивилизации 20-го века не повторится в глобальном масштабе в 21-ом.

Будем же открытыми, быстро реагирующими, скромными сетестроителями, очень гибкими, и точно вовремя с нашими эзотерическими способностями и нашими социальными и культурным учреждениями, ибо “Он придет, как тать в ночи”, а мы все еще крепко спим. Тогда у нас будет нечто в руках, чтобы объединить возрожденную антропософию с множеством здоровых новых социальных и духовных сил, которые мы уже можем встретить в себе самих повсюду.

Доктор Исаяя (Йешайагу) Бен-Арон родился в 1955 г., женат (жена – Адир), имеет дочь и сына. В 1980 г. основал антропософский кибуц Ардуф (Harduf) на севере Израиля, где с тех пор проживает с семьей. Мастерат по философии, тема диссертации на степень мастера философии «Концепция организма у Канта и Гете» (1993 г.). Докторат по философии в 1995-1998 в Хайфском университете, докторская диссертация по феноменологии Эдмунда Гуссерля на тему «Познание «Я» в феноменологии» (1998 г.). Со-основатель Глобальной Сети по реализации социальной трехчленности (GN3: www.globenet3.org), группы активистов по созданию Израильского Гражданского Общества (ICS: www.civilsociety.co.il), и Школы Духовной Науки (www.ybaschool.co.il). Автор книг: «Глобальная Ответственность Америки: Индивидуация, Инициация, Трехчленность», «Новое познание сверхчувственного: Современная антропософская драма познания», «Духовное Событие двадцатого века: Имагинация. Окультизм значение 12-ти лет с 1933 по 1945 гг.» (все – на англ. яз.).

